

ИСТОРИЯ И БУДУЩЕЕ ИСЛАМСКОЙ ПРАВОЗАЩИТНОЙ СИСТЕМЫ: ШАГИ НАВСТРЕЧУ

Аннотация. В публикации рассмотрена роль Всеобщей исламской декларации прав человека в формировании и развитии исламской правозащитной системы. Показано, что Всеобщая исламская декларация прав человека обратила внимание мирового и регионального исламского сообщества на проблему прав человека в исламских государствах; обеспечила теоретико-методический фундамент исламской правозащитной системы, включая будущие конвенции и иные документы регионального масштаба в сфере прав человека; стала поводом к дискуссиям по поводу прав человека в исламе среди теоретиков и практиков государственно-правового строительства по всему миру; послужила толчком для разработки доктрины прав человека в исламском регионе. Констатируется, что Всеобщая исламская декларация прав человека устранила одно из мнимых противоречий между доктриной ислама и международной концепцией прав человека. Обосновано, что, хотя на сегодня исламская правозащитная система не функционирует в полной мере, однако достигнут значительный прогресс, позволяющий полагать, что полноценный ее запуск состоится в кратчайшие сроки, для чего необходимы не только политическая воля государств — участников Лиги арабских государств, но и поддержка со стороны Запада, вопреки сомнительным интересам геополитического противоборства.

Ключевые слова: правозащитные системы, механизм защиты прав человека, региональные системы защиты прав человека, Всеобщая исламская декларация прав человека, система защиты прав человека под эгидой Лиги арабских государств, исламская правозащитная система.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.169-178

**Елена Викторовна
САФРОНОВА,**

профессор кафедры
теории и истории
государства и права
Белгородского
государственного
национального
исследовательского
университета,
доктор юридических наук,
профессор
[elena_safronova_2010@
mail.ru](mailto:elena_safronova_2010@mail.ru)

308015, Россия, г. Белгород,
ул. Победы, д. 85

**Мохаммед Аднан
АЛБУТИФ,**

аспирант Белгородского
государственного
национального
исследовательского
университета
etonkov@bsu.edu.ru
308015, Россия, г. Белгород,
ул. Победы, д. 85

ELENA V. SAFRONOVA,*Professor, Department of theory and history of state and law
of the Belgorod State National Research University,**Dr. Sci. (Law), Professor***elena_safronova_2010@mail.ru***85, ul. Pobedy, Belgorod, Russia, 308015***ALBUTIF M. ADNAN,***Postgraduate student, Belgorod State National Research University***etonkov@bsu.edu.ru***85, ul. Pobedy, Belgorod, Russia, 308015*

HISTORY AND FUTURE OF THE ISLAMIC HUMAN RIGHTS SYSTEM: STEPS FORWARD

Abstract. *The publication examines the role of the Universal Islamic Declaration of Human Rights in the formation and development of the Islamic human rights system. It is shown that the Universal Islamic Declaration of Human Rights drew the attention of the global and regional Islamic community to the problem of human rights in Islamic states; provided a theoretical and methodological foundation for the Islamic human rights system, including future conventions and other regional documents in the field of human rights; has become a reason for discussions about human rights in Islam among theorists and practitioners; served as an impetus for the development of the doctrine of human rights in the Islamic region. It is stated that the Universal Islamic Declaration of Human Rights has eliminated one of the alleged contradictions between the doctrine of Islam and the international concept of human rights. It has been substantiated that, although today the Islamic human rights system is not fully functioning, significant progress has been made, which suggests that its full launch will take place as soon as possible, for which only the political will of the Arab League member states is needed, but also support from the West, contrary to the dubious interests of geopolitical confrontation.*

Keywords: *human rights systems, human rights protection mechanism, regional human rights protection systems, the Universal Islamic Declaration of Human Rights, the system of human rights protection under the auspices of the League of Arab States, Islamic human rights system.*

В силу своих имманентных характеристик ни национальные, ни международная (под эгидой ООН) системы защиты прав человека не способны обеспечить комплексный характер гарантий основополагающих прав и свобод и обеспечить защиту прав каждого. Важным инструментом выступают региональные механизмы (системы) защиты прав человека, которые сложились, в частности, в Европе, Америке, на африканском континенте. Нередко инициаторами создания такого механизма выступают надгосударственные объединения,

региональные организации, такие как Совет Европы и Организация африканского единства.

В 2021 г. отмечается 40 лет с момента принятия первого документа по правам человека в исламском мире — под эгидой Исламского совета Европы и в соответствии с международными стандартами прав человека 19 сентября 1981 г. была принята Всеобщая исламская декларация прав человека — хронологически первый программный гуманистический документ по правам человека, учитывающий доктрину исламского права.

И, несмотря на то, что документ не имел никакой юридической значимости для исламских государств и, более того, принимался их оппозицией в изгнании, он послужил определенным толчком для разработки доктрины прав человека в современном исламском мире — основы для перспективного построения исламской правозащитной системы. 40 лет — значимый срок для оценки и критического осмысления построения механизма защиты прав человека в исламском мире, которое и будет осуществлено в рамках настоящей публикации.

В мировой практике сложилось три уровня функционирования механизма защиты прав человека: национальный, региональный, международный.

Под региональными правозащитными системами следует понимать функционирующие на основе многосторонних договоров с участием группы стран, расположенных на одном континенте или в одном историческом регионе, или объединенных однородной правовой доктриной (например, религиозно-правовой), или участвующих в региональной международной организации, механизмы защиты прав человека, как правило, включающие административный или судебный юрисдикционный орган по защите прав человека, систему контроля (надзора) за соблюдением прав человека в участвующих странах, а также элементы механизма привлечения к ответственности за грубое нарушение международных обязательств в сфере прав человека.

Региональный уровень функционирования правозащитных систем не является неким промежуточным звеном между национальным и международным уровнем защиты прав человека, хотя его механизмы в некоторой мере повторяют международный (международные конвенции, специализированные межправительственные комиссии по правам человека, периодические обзоры, наблюдение за странами, нарушившими международные обязательства, меры ответственности (включая санкции) и, наконец, судебный механизм обжалования неправомочных, по мнению заявителя, государственных решений, в том числе решений высшей и даже конституционной инстанции).

Региональные правозащитные системы являются важным инструментом гарантий и обеспечения прав человека на основе международных и региональных конвенций, поскольку, с одной стороны, облегчают доступ граждан к международному правосудию в сфере прав человека, а с другой — устраняют несовершенства национальных правозащитных систем, дефекты локального правосудия и административно-применительной деятельности и, наконец, способствуют собственно предотвращению грубых и массовых нарушений прав человека в странах мира.

По состоянию на 1981 г. полноценно функционировали, по меньшей мере, две региональные правозащитные системы — европейская и американская, а также

осуществлены решительные действия по созданию африканской правозащитной системы (в 1970-е гг. начата разработка Африканской хартии прав человека и народов, затем ратифицированная в 1986 г. и ставшая фундаментом регионального правозащитного механизма на африканском континенте¹).

Соответствующие идеи оказывали влияние на гуманистические настроения представителей других стран и территорий, особый интерес вызывала задача адаптации правозащитных систем и идей к специфическим региональным правовым системам, прежде всего исламской, которая основана на положениях религиозно-правовой доктрины мусульманского права, воспринимаемых многими западными исследователями, политиками и правозащитниками как противоречащие общим принципам концепции прав человека². В качестве аргументов приводятся прежде всего различия в правах женщин и мужчин, родителей и детей, различных категорий граждан, а также негуманный характер суда, действующего на основе норм религиозно-правовой доктрины — шариатского суда³.

Попытку адаптировать исламскую правовую доктрину под концепцию прав человека в ее глобальном понимании предприняли старейшины исламского мира в Европе — представители Исламского совета Европы, которые согласовали и опубликовали в 1981 г. программный документ, названный как Всеобщая исламская декларация прав человека, по аналогии с документом международного уровня, принятым ООН 30 годами ранее (и как историческая дань процессу формирования международной системы защиты прав человека).

Всеобщая исламская декларация прав человека — документ, направленный на преодоление правового нигилизма в исламских государствах и на эффективное, в том числе научно-методическое, содействие имплементации видения ключевых гражданских прав в правовые системы исламских государств.

Фактически Всеобщая исламская декларация прав человека содержит указание на констатацию прав человека в Священном писании мусульман, а также перечень и характеристики фундаментальных прав человека в исламе, в которые входят: право на жизнь и свободу, на равенство (включая запрет дискриминаций), на правосудие, на беспристрастный суд, защита от властных злоупотреблений, запрет пыток, право на защиту репутации и чести, на убежище, права меньшинств (определяемые через принцип Корана «нет принуждения в религии»), права и обязанности участвовать в управлении общественными делами, право на свободу слова, мысли и вероисповедания, на свободу религии и объединений, экономические, социальные и трудовые права.

¹ *Ouguergouz F.* The establishment of an African court of human and peoples' rights: a judicial premiere for the African union // *African Yearbook of International Law Online/Annuaire Africain de droit international Online*. 2003. Vol. 11. No. 1. P. 79—141.

² *Schirmacher C.* Islamic human rights declarations and their critics: Muslim and non-Muslim objections to the universal validity of the Sharia // *International Journal for Religious Freedom*. 2011. Vol. 4. No. 1. P. 37—64.

³ *Bielefeldt H.* "Western" versus "Islamic" human rights conceptions? A critique of cultural essentialism in the discussion on human rights // *Political theory*. 2000. Vol. 28. No. 1. P. 90—121.

С учетом специфического восприятия прав женщины в исламе отдельный раздел документа посвящен правам замужней женщины. Важно также отметить, что Всеобщая исламская декларация прав человека содержит пояснения терминологии и смыслов, прежде всего уточнение, что под «законом» понимается шариат — религиозный закон мусульман.

Всеобщая исламская декларация прав человека была зачитана в Париже в штаб-квартире ЮНЕСКО и получила неоднозначные оценки в западном и исламском мире⁴, однако сегодня, спустя 40 лет после данного события, можно говорить о его эпохальном характере: Всеобщая исламская декларация прав человека, по нашему глубочайшему убеждению, явилась фундаментальной основой для разработки и претворения в жизнь исламской региональной правозащитной системы, в том числе:

- обратила внимание мирового и регионального исламского сообщества на проблему прав человека в исламских государствах;
- обеспечила теоретико-методический фундамент исламской правозащитной системы, включая будущие конвенции и иные документы регионального масштаба в сфере прав человека;
- стала поводом к дискуссиям по поводу прав человека в исламе среди теоретиков и практиков государственно-правового строительства по всему миру;
- послужила толчком для разработки доктрины прав человека в исламском регионе (а не в изгнании).

Всеобщая исламская декларация прав человека устранила одно из мнимых противоречий между доктриной ислама и международной концепцией прав человека, хотя исследователям и политическим деятелям соответствующую позицию приходится вновь и вновь обосновывать и отстаивать по сей день⁵.

Важным аспектом понимания соотношения норм мусульманского права и концепции прав человека выступает то, что для применения положений Священного писания мусульман одних собственно его норм недостаточно. Говоря современным юридическим языком, не меньшую важность приобретает их доктринальное толкование, изложенное в документальной форме, влияющее на правоприменение. Толкование религиозно-правовых норм в исламе — многоступенчатый и многоуровневый процесс с длительной историей⁶. Роль в толковании играют не только трактовки, данные святыми учителями, но и актуальные трактовки, которые дают авторитетные старейшины, в том числе в порядке правоприменительной деятельности шариатского суда.

Соответствующий порядок правоприменения может показаться странным и запутанным, а также несправедливым с позиций западного мировоззрения, однако благодаря ему обеспечивается гибкость и адаптивность исламской правовой системы, ее соответствие потребностям современной правовой жизни: нормам

⁴ См.: Региональные системы защиты прав человека : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. А. Х. Абашидзе. М. : Юрайт, 2019. 378 с.

⁵ См.: *Абд аль-Мухсин ат-Турки А. А. ибн*. Ислам и права человека. Эр-Рияд : Офис по содействию в призыве и просвещении этнических меньшинств в районе Рабва, 2008. 54 с.

⁶ См.: *Ауда Д.* Цели шариата (Макасид аш-шари'а): руководство для начинающих. М. : Изд. дом Марджани, 2015. 187 с.

Корана уже полтора тысячелетия, за которые общественные отношения кардинально поменялись.

Указанные аспекты позволяют модернизировать исламское право и правовую доктрину в отношении прав человека, например уравнивать в правах граждан обоих полов, детей — в отношении родителей, представителей родов — в отношении брачующихся, одновременно не нарушая традиции ислама и оставляя неизменным исламский правовой механизм, сложившиеся веками и являющиеся неотъемлемой частью исламской государственности, общественного бытия и правовой жизни.

По вполне понятным причинам соответствующие ценности не могут разделяться определенными категориями граждан: принадлежащими к другим религиям гражданами исламских государств, проживающими на территории исламского государства иностранцами, апатридами с другими верованиями или с отсутствием таковых. В отношении них параллельно функционирует светская судебная-правовая система, которая применяет исключительно нормы светского законодательства, вплоть до национального законодательства страны происхождения при отсутствии релевантной правовой нормы в стране пребывания. Сращивание светских и шариатских судов тоже не следует воспринимать ни как угрозу традиционному доктринальному правосудию, ни как угрозу системе прав человека в их «светском» понимании, принятом на Западе.

Суды могут в обычном режиме выбирать подлежащие применению правовые нормы, что подтверждает успешная практика многолетнего функционирования системы коммерческих международных арбитражных судов. А судьи, специализирующиеся одновременно на доктринальных трактовках, в процессе своей профессиональной деятельности приобретают исключительный опыт, сопоставимый с тем, который имеется у судей англосаксонской правовой системы, вырабатывающих и трактующих прецеденты, и даже превышающий его. При высоком профессионализме большую роль играет моральный облик таких судей — людей с духовным образованием и нередко саном.

Критикуемый аспект мусульманского права, связанный с жестокостью наказаний⁷, не следует однозначно рассматривать как несоответствие международным стандартам в области прав человека. Безусловно, некоторые прямые нормы международных конвенций могут в буквальном смысле не соблюдаться, хотя гуманизм системы прав человека, например, не останавливает большинство штатов США от назначения и исполнения десятков и, порой, сотен смертных казней ежегодно, в некоторых случаях исполняемых способами достаточно унижительными, которые могут причинить дополнительные страдания заключенным.

Приговоры шариатского суда воспринимаются по-другому в исламском мире, как справедливая и неотвратимая кара, назначенная по воле Всевышнего и в строгом соответствии с его пожеланиями, и правопослушный мусульманин, даже единожды или неоднократно преступив закон, должен принять эту волю с достоинством и смирением. Более того, если суровость наказаний, назначаемых шариатским судом, предотвращает совершение новых преступлений и служит

⁷ *Евсеев Д. В., Комаров С. А.* Современная специфика исламских подходов к правам человека // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2 (40). С. 67—72.

указанием обществу на желаемое правомерное поведение, то такой механизм играет исключительно превентивную роль, в буквальном смысле спасая жизнь и здоровье граждан, их имущество и общественные интересы от новых преступных посягательств. Не в этом ли состоит гуманизм исламской правовой системы — обеспечение и защита прав наиболее широкого круга граждан в системе практического правоприменения?

Представляется целесообразным констатировать, что при взгляде на исламское право с указанных позиций мнение о правах человека в исламе кардинально трансформируется и может быть дан однозначно положительный ответ на вопрос о том, является ли жизнеспособной идея построения исламской региональной правозащитной системы. Едва ли можно говорить о том, что исламская правовая доктрина стала непреодолимым препятствием на пути к созданию региональной правозащитной системы в мусульманском мире. Думается, что фундаментальных причин соответствующего рода и вовсе не имеется, и в относительно скором времени мир станет свидетелем полноценного запуска исламской правозащитной системы.

Фактором, препятствующим этому, является прежде всего деструктивная геополитика, которая, с одной стороны, не позволяет ряду западных стран адекватно воспринять сосуществование международных стандартов и мусульманской доктрины в системе прав человека, с другой стороны, неоднократно способствовала обострению политической напряженности между исламскими государствами, что, помимо прочего, срывало переговоры по поводу ратификации и вступления в силу надгосударственных норм, формирующих исламский правозащитный механизм.

Как эффективное противодействие соответствующему деструктивному внешнему влиянию целесообразно рассматривать плодотворную работу организаций сотрудничества исламских государств.

Организация Исламская конференция (ныне — Организация исламского сотрудничества, далее — ОИС) стала инициатором разработки Каирской декларации прав человека (КДПЧ), впервые в полном объеме и в соответствии с основополагающими международными стандартами закрепившая систему прав человека в исламском мире. КДПЧ не получила широкого признания мирового сообщества и критиковалась за ее «соглашательский» характер, не позволивший включить в положения Конвенции даже минимальный набор прав человека, гарантированный ООН⁸, между тем причиной ее бездействия стало не только неприятие со стороны международного сообщества, но также недостаточно сильное организационное и политическое влияние ОИС на участвующие государства, как минимум в той мере, которая необходима для диалога по поводу возможного пересмотра многовековых традиций во взглядах на права человека в отдельных исламских государствах.

Мертворожденной оказалась и первая Арабская хартия по правам человека (АХПЧ), принятая в 1994 г., однако прежде всего по причине недостаточного согласования сторонами. Документ был доработан и подписан в 2004 г. как новая

⁸ *Иванов Ф. Л.* Постоянная независимая комиссия по правам человека организации «Исламская конференция»: смена парадигм? // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3 (19). С. 273—275.

АХПЧ, которая и стала фундаментом для построения механизма защиты прав человека в исламе.

Вопреки скепсису со стороны западных исследователей, а среди них встречается мнение даже о том, что АХПЧ 2004 г. и вовсе не действует⁹, несмотря на то, что автоматическое ее вступление в силу предусмотрено в соответствии с нормами самой конвенции — при условии ратификации не менее чем 7 участвующими государствами. По факту АХПЧ ратифицирована 14 или 13 государствами (остается сложным вопрос о ратификации Сирией, полномочия которой в Лиге арабских государств (ЛАГ) осуществляются представителями непризнанной оппозиции, в то время как членство правительства Б. Асада приостановлено).

Члены ЛАГ уже более десятилетия назад перешли к фазе выработки постоянного механизма и юрисдикционной структуры правозащитной системы — Арабского комитета по правам человека и Арабского суда по правам человека. Готовятся периодические обзоры о состоянии прав человека в государствах ЛАГ, продолжается переговорный процесс по поводу скорейшей ратификации АХПЧ 2004 г. всеми государствами, участвующими в ЛАГ, а также расширения ее действия на исламский мир, в частности на более широко представленную ОИС.

В 2014 г. был согласован Статут арабского суда по правам человека¹⁰. Документ является «ядром» юрисдикционного механизма исламской правозащитной системы, которое после своего запуска, для которого требуются прохождение ратификации установленным числом государств, избрание и созыв судей, завершит формирование контуров исламской правозащитной системы и позволит считать ее официально действующей. В данном конкретном случае, помимо геополитики, переговорным и иным организационным процессам несколько воспрепятствовала пандемия COVID-19, однако не имеется практически никаких сомнений в том, что через некоторое время ситуация кардинально изменится и в международной практике будет четвертая полноценная региональная правозащитная система.

Соответствующим трансформациям должны поспособствовать и западные государства, снизив градус политического давления на переговорный процесс в исламском мире и прекратив препятствовать интеграции через раскол, по меньшей мере в таких важнейших вопросах, как защита прав человека, под предлогом которой отдельные государства «западного мира» оправдывали и продолжают оправдывать вмешательство во внутренние дела многих других государств, включая мусульманские.

С вопросом о том, кто является нарушителем прав человека и какие меры ответственности он должен понести, эффективно справиться и внутренняя региональная правозащитная система, созданию которой пытаются воспрепятствовать политики отдельных стран и группировок. В этой связи навязывание мнения извне

⁹ Mayer A. E. The OIC's Human Rights Policies in the UN: A Problem of Coherence // The Organization of Islamic Cooperation and Human Rights. 2019. P. 91.

¹⁰ Court of Human Rights (The Council of the League of Arab States, Ministers of Foreign Affairs, adopted during his (142) session, and by his resolution n° 7790, E.A (142) C 3, 07/09/2014, the Statute of the Arab Court of Human Rights) // URL: https://aci.hl.org/texts.htm?article_id=44&lang=ar-SA (дата обращения: 01.04.2021).

не только непродуктивно, но и способствует дальнейшему искажению адекватного восприятия системы прав человека, причем проявляющемуся в действиях «продвинутого» (по его же мнению) в этих вопросах Запада.

Субъектам геополитического противоборства также следует самостоятельно определиться с позитивным восприятием сосуществования исламских религиозно-правовых норм и глобальной доктрины прав человека, по меньшей мере в случае с государствами, у которых исламское право является государственным. Выше было показано отсутствие фундаментальных противоречий в данной сфере, которое подчеркивается авторитетными исследователями, в том числе и на Западе¹¹.

Для дальнейшего позитивного развития исламской правозащитной системы видится важным, чтобы мировое сообщество перешло от необоснованной критики АХПЧ 2004 г. к принятию определенных отличий между глобальной и региональной доктриной прав человека с учетом исключительно гуманистической направленности обеих и полезности для населения Земли. Это будет важным посылом для исламских государств активизировать переговоры, превзойти противоречия политического и доктринального характера (последние обусловлены кардинальными порой отличиями доктрин различных ответвлений ислама, положенных в основу государственной религии) и в кратчайшие сроки завершить построение исламской правозащитной системы и перейти к ее полноценному функционированию во благо всего глобального исламского сообщества.

Всеобщая исламская декларация прав человека стала толчком к осуществлению важных действий по формированию исламской правозащитной системы, обратила внимание мирового и регионального исламского сообщества на проблему прав человека в исламских государствах, обеспечила теоретико-методический фундамент исламской правозащитной системы, стала поводом к дискуссиям по поводу прав человека в исламе. Это первый документ, который направлен на приведение исламской доктрины прав человека в соответствие даже не с международными стандартами и правилами, а с реалиями правовой жизни, которые свидетельствуют о возможности гибкой адаптации исламского права под требования международных правозащитных стандартов, однако лишь при условии взаимного пересмотра механизма действия таких стандартов.

«Борьба за существование кипит на всем земном шаре, но далеко не всюду и всегда с одинаковой силой»¹². Спустя 40 лет после принятия Всеобщей исламской декларации прав человека исламская правозащитная система не функционирует в полной мере, однако достигнут значительный прогресс, позволяющий полагать, что полноценный ее запуск состоится в кратчайшие сроки, для чего

¹¹ Галиуллина С. Д., Сулейманов А. Р. Стереотипное мышление о правах человека в исламе // Евразийский юридический журнал. 2017. № 10 (113). С. 281—283 ; Siebenrock H. The Enforceability of the Arab Charter for Human Rights: Illusion or Reality? // Die Friedens-Warte. 2020. Vol. 93. No. 1—2. P. 173—194 ; Tomuschat C. Adaptation of Human Rights to Cultural Specificities? // Die Friedens-Warte. 2020. Vol. 93. No. 1—2. P. 12—32.

¹² Мандельштам А. Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Предисловие // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 261.

необходимы не только политическая воля государств — участников ЛАГ, но и поддержка со стороны Запада, вопреки сомнительным интересам геополитического противоборства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абд аль-Мухсин ат-Турки А. А. ибн.* Ислам и права человека. — Эр-Рияд : Офис по содействию в призыве и просвещении этнических меньшинств в районе Рабва, 2008. — 54 с.
2. *Ауда Д.* Цели шариата (Макасид аш-шари'а) : руководство для начинающих. — М. : Изд. дом Марджани, 2015. — 187 с.
3. *Галиуллина С. Д., Сулейманов А. Р.* Стереотипное мышление о правах человека в исламе // Евразийский юридический журнал. — 2017. — № 10 (113). — С. 281—283.
4. *Евсеев Д. В., Комаров С. А.* Современная специфика исламских подходов к правам человека // Правовое государство: теория и практика. — 2015. № 2 (40). — С. 67—72.
5. *Иванов Ф. Л.* Постоянная независимая комиссия по правам человека организации «Исламская конференция»: смена парадигм? // Актуальные проблемы экономики и права. — 2011. — № 3 (19). — С. 273—275.
6. *Мандельштам А. Н.* Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Предисловие // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 3. — С. 261—263.
7. Региональные системы защиты прав человека : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. А. Х. Абашидзе. — М. : Юрайт, 2019. — 378 с.
8. *Bielefeldt H.* "Western" versus "Islamic" human rights conceptions? A critique of cultural essentialism in the discussion on human rights // Political theory. — 2000. — Vol. 28. — No. 1. — P. 90—121.
9. *Mayer A. E.* The OIC's Human Rights Policies in the UN: A Problem of Coherence // The Organization of Islamic Cooperation and Human Rights. — 2019.
10. *Ougergouz F.* The establishment of an African court of human and peoples' rights: a judicial premiere for the African union // African Yearbook of International Law Online/Annuaire Africain de droit international Online. — 2003. — Vol. 11. — No. 1. — P. 79—141.
11. *Schirrmacher C.* Islamic human rights declarations and their critics: Muslim and non-Muslim objections to the universal validity of the Sharia // International Journal for Religious Freedom. — 2011. — Vol. 4. — No. 1. — P. 37—64.
12. *Siebenrock H.* The Enforceability of the Arab Charter for Human Rights: Illusion or Reality? // Die Friedens-Warte. — 2020. — Vol. 93. — No. 1—2. — P. 173—194.
13. *Tomuschat C.* Adaptation of Human Rights to Cultural Specificities? // Die Friedens-Warte. — 2020. — Vol. 93. — No. 1—2. — P. 12—32.